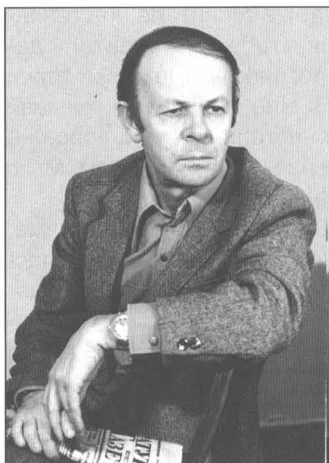

**Владимир
МАЗАЕВ**

ИСКУШЕНИЕ 45-го года

ПЕЧАЛЬНЫ ЛИЦА ВОЕННЫХ ДАТ

В могилах воинских захоронений, на дне океана вечности лежат солдаты давно минувшей войны. Лежат, сосчитанные на круглые миллионы.

В шестьдесят третий раз зелень и цвет весны обнимут братские, уплотнённые временем курганы. Уплотнилась над курганами и тишина. И ни поминальный звон, ни раскаты майских громов, ни птичий щебет и ни рокот трактора на пахотном поле – не помеха этой святой тишине.

По городам и весям России стоят обелиски. Они – символ и условный знак, скудная наша дань нашей скудной памяти. Большинство безымянны и немые, на других журавлиными лентами – имена, имена, имена...

Сколько на обелиске имён – на столько родных могил осиротел местный погост. И чем больше имён – тем сиротливей погост. Такая вот «смертная связь». И некуда пойти прислониться печалующемуся сердцу, кроме как к этому символу...

Печальны лица военных дат.

Даже влитых в скрижали мировой истории.

Даже меченных сладким словом победа.

Не многие, уже крепко поседевшие фронтовики соберутся 9 мая на светлых площадях Победы. Жизнь штука неумолимая. И надо бы что-то сказать им, нашим славным старикам-победителям. Какие-то единственные слова. Но нету у нас таких слов. Все наши слова для них – бедны, приблизительны. Мы можем только помолчать. Но это не будет молчанием мудрости.

Простите нас...

На календаре – последний военный январь. Сводки с фронта летят победные, а январь здесь, в глубоком сибирском тылу, ведёт себя – ну как последний диверсант. То обрушивается на город небывалым гололёдом, рвёт провода, погружая целые кварталы во тьму, загуливает вьюгой, и тогда вязнут в заносах трамваи, битком набитые рабочими сменами металлургического комбината, буксуют посреди улиц грузовики.

В одно из тех январских утр меня привычно будит сестра Тоня – перед тем как самой побежать на курсы медсестер: «А ну подымайся при мне, живо, опять ведь задрыхнешь, знаю тебя!»

Застилая кое-как постель, еще полусонный, я вяло сдёргиваю за ухо подушку и – замираю в легком столбняке: под подушкой – яблоко...

Из меня мигом вылетают остатки сна.

Яблоко?! Ёлки-моталки! Крупное, румяное, какое мне в мои десять с половиной приходилось видеть разве что на картинке. Неужели настоящее? Я беру его в обе ладони – гладкое и прохладное, увесистое. Подношу к лицу, запах – сказочный.

Завтракая на кухне в одиночестве, кладу яблоко поодаль. Смотрю на него. Пристально, почти заворожённо. Жую при этом оставленный мне сестрой ломтик комбинированного хлеба, тоненько смазанный горьким маргарином.

Отставляя стакан с чаем, беру яблоко, обнюхиваю по-собачьи, как бы приноравливаясь, с какого боку куснуть. Обнюхиваю. И возвращаю на место. Исключительно силой воли, которую я с некоторых пор стал в себе культивировать.

Мама наша работает в госпитале, кастеляншей. Работы, жалуется, «гибель». Госпиталь далеко, мама приходит поздно – когда я уже сплю, а уходит рано – когда я еще сплю. Если трамвай ломается, что бывает частенько, – она вовсе не приезжает, ночует там на мешках с бельем. Мы с ней редко видимся, и мне ее жалко.

Яблоко под подушкой – это, конечно, мама. Как-то я таким же манером нашёл пряник, а после еще – петушка на палочке. Но где она раздобыла среди голодной зимы яблоко?..

Вскоре я с брезентовой сумкой через плечо бреду по еще сумеречной, переметённой снежными горбами улице. Яблоко во внутреннем кармане ватной шубейки приятно надавливает бок.

Желание слопать с ходу фантастический фрукт этот я не без труда, но одолел. Всё-таки сила воли – не баран чихнул. Да я и не какой-то там Васька Утусик с предпоследней парты, который нет-нет да притащит в класс что-нибудь, а потом, отвернувшись в окно, тайно поглощает. И надо быть круглым дураком, чтобы не сообразить, что тебя, жадюгу, с потрохами выдают твои шевелящиеся уши.

Мне ничего никогда не удавалось принести. Как и многим в классе. Нам нечего было принести. Да теперь-то у меня есть! И я несу. Такое, такое!.. Но я поступлю, конечно же, иначе...

Надо сказать, что с первых же недель войны в городе были введены продуктовые карточки. Школьникам меж тем стали выдавать хлеб дополнительно, сверх карточного. В наш класс притаскивает поднос с 50-граммовыми пайками староста Костя Кукушкин. Пацан ничё так, толковый, шустрый. Эвакуированный из Донбасса. А честнюга, честнюга, аж противно.

На большой перемене Костя поскачет в хлебозерку. Я догоню его в коридоре и скажу: «Кукушкин, – скажу, – на-ка вот это, – и протяну яблоко, – разрежь там на дольки и положи на каждую пайку по дольке, понял? Вон оно какое, в карман не влезло». Кукушкин страшно удивится. Нет, он просто опупеет: «Что-о? Настоящее? Да откуда у тебя? Фантастика! И тебе не жалко?» – А я ему: «Да ни на грамм!» – И добавлю небрежно: «Хоть вспомните, как пахнет заморский фрукт, а я уже нанюхался!» – И Кукушкин, всегда надутый такой при своей хлебной должности, скажет: «Ты молоток! С тобой бы я в разведку пошел», – или что-нибудь в том же духе...

В раздевалке, повесив шубейку, прячу яблоко в сумку с учебниками.

Туда же – рукавички-вязанки. Вход в раздевалку до начала уроков открыт, и карманы, случается, чистят.

Большая перемена – после третьего урока. Надо ли говорить, что учебный процесс первых двух прошёл как-то мимо меня. Сижу, добросовестно тарашусь на доску. И во всех мыслимых деталях обкатываю план моего грядущего триумфа.

Но вот захожу я после второй переменки в класс и первое, что вижу: уткнувшись в дальнее (заледенелое!) окно, стоит меж собственных ушей Васька Утусик. И уши его, розово просвеченные, как витражи, плотноядно шевелятся...

У меня аж глаза остолбенели! Как же я забыл про Утусика! Получается, на хлебную пайку этого жадюги и скупердяя тоже ляжет ароматная долька моего яблока? Ёлкин пень! Неужели свершится такая вопиющая несправедливость?!

Весь третий урок я просиживаю – вернее, проёрываю – терзаемый столь горестным для меня открытием.

А что если шепнуть Косте Кукушкину: на пайку Утусика долька не клади!.. – И тут же спохватываюсь: – Ну да! Честнюга этот несчастный, эвакуированный, еще разорётся на весь коридор.

Снова сижу думаю, изо всех сил.

Звонок на долгожданную большую перемену! Костя Кукушкин первым, как всегда, срывается, мчит в хлебозерку. Только вот я почему-то не вскакиваю, не бегу вдогон. Сижу как отмороженный. И думаю, думаю. Голова прям как чумовая сделалась.

Кукушкин возвращается, на растопыренных руках – поднос с хлебной горкой. Важно, с чувством невероятной ответственности, плывёт вдоль парт. Каждый ухватывает с подноса кусочек.

Я тоже беру свои законные пятьдесят граммов, с довеском, приколотым щепочкой, и стараюсь не смотреть при этом Кукушкину в лицо. Будто крепко обманул его только что, и он по убегающим моим зрачкам может раскусить мою сущность.

Новый удар под дых я получаю со звонком на следующий, то есть четвёртый урок. А четвёртый, ёлки, – физкультура! Это значит – в спорткласс. Это значит, чёрт побери, оставлять всё здесь – сумки, портфели. Идти без ничего!.. А как же яблоко?!

Тут-то я и завертелся, как червяк на муравейнике. Оставить в сумке? Удёрнут. Как пить дать –

удёрнут. Кто дежурный-то, который остается в классе сторожить наши шмотки? Мамлеева? Моя соседка по парте? Она-то первая и удёрнет! Недаром же, когда я лазил в сумку взять то учебник, то ручку, она носом крутила. Наверняка унюхала!

Класс быстро пустеет. Остались двое: дежурная Мамлеева, вытиравшая в эту минуту доску, и я – со своим увесистым заморским фруктом в сумке. Дурак дураком.

Кажется, с триумфом придётся погодить. Где бы тихомолком уж слопать, его, что ли? – думаю с тоской я.

Мамлеева от доски оглядывается на меня. Чего, вроде того, что рассиживаешь один, закосить от физкультуры хочешь? А знаешь, что за это бывает?.. Умная какая нашлась.

И тут только меня озаряет: наш школьный дровяник!

Торопливо (минуты-то идут!) достаю из сумки рукавицу-вязанку. На ощупь под партой запикиваю в нее яблоко. Едва влезло. Мамлеева у доски косит глазом. Я прям спотел.

Выбегаю за двери. Мамлеева, зануда, тарашится вслед: чё это такая пузатая в моей руке варежка?.. Ну какое твоё свиное дело!..

Крадусь к выходу во двор. Только бы на завуча не налететь, на «линейке позора» завтра настоишься. Выскакиваю на крыльцо. Вижу, дровяник, как всегда, распахнут. Но в сумраке его кто-то деловито копошится. Ну конечно же, наш истопник дядя Петя. Снова невезуха!

Щёки мои и уши кусает морозец.

В углу заснеженного школьного двора, под пышной белой шапкой – дощатый домик с отдушиной-трубой. К нему – свежая дорожка. Затравленно, как приговорённый, смотрю туда. «Туда?! Ни за что!..» И через секунды жутких колебаний мчусь, хватаясь за уши, именно «туда». Больше-то тут – куда?

Набрасываю за собой крючок. Проволочный крючок, перегнутый сто раз, предательски слетает. Осматриваюсь, придавленный «обстановкой». Под ногами ледяная желтизна, стены по старой побелке исписаны гадостями, а запах! Будто попал сюда впервые... Но и здесь тянуть резину нельзя. Как бы не приспичило кому.

Выдавливаю из рукавички яблоко. Скорей! Какое всё-таки оно большое, где такие растут? Зажмуриваюсь и впиваю зубы в его тугий, сочный бок. Грызу с хрустом, с чавканьем, сок бежит по моим губам.

Внезапно ловлю напряжённым слухом отдалённое: скрип-скрип. Приникаю к дверной щели. Так и знал! По расчищенной дорожке скрипит-шкандыбают истопник дядя Петя... Ну, ёлки, почему мне сегодня так не везёт!..

Дядя Петя потерял на фронте ногу. Теперь у него вместо ноги круглая деревяшка. Ковыляет он перевалисто, с опаской, боясь поскользнуться. И я ловлю себя на отвратительной мысли, что радуюсь, что у него вместо ноги деревяшка – подольше протащится!

Сам я весь, от головы до пяток, становлюсь, как в крапивной лихорадке. Жру это несчастное яблоко с остервенением преступника, избавляющего себя от улики. Глотаю непрожёванное. При том, что вкус мой и обоняние начисто парализованы стылым ароматом зимнего отхожего места.

Боль в дёснах. Запикиваю в рот последний огрызок – мельком вижу на нём розоватый след прикуса. Кровь? Отчего?! Едва не давлюсь при этом. На глазах моих слезы. Мама, мама, зачем ты положила мне это яблоко...

Входит тяжело, со скрипом, дядя Петя. Я торопливо дожёвываю, поворачиваясь к стене. Делаю вид, что застёгиваюсь. И вдруг со стыдом и отчаянием осознаю, что дядя Петя видит, как предательски шевелятся мои уши...

К школьному крыльцу я плетусь с тяжестью в желудке. Точно кусок свинца проглотил. Стою в дверях спорткласса, держась за живот. С ужасно жалким выражением на лице. Причём выражением неподдельным – в эти минуты я по-настоящему жалок. И слезы мои неподдельные, только вот, что называется, крокодиловы...

Учительница:

– Почему опаздываем? Почему слёзы? Ты нездоров?.. Милый мой, да на тебе лица нет. Отправляйся-ка лучше домой...

Вечером, когда мы с сестрёнкой Тоней ужинаем на кухне, едим картошку в мундире, она неожиданно замечает на моей картофелине розоватые, подозрительные прикусы.

– А ну дай сюда! – говорит она, отбирая картофелину. Вперивается в меня взглядом: – И давно у тебя?

– Что?

– Кровь из дёсен, вот что. А ну открой рот. Шире! – командует Тоня и чайной ложечкой стучит в моих зубах, надавливая холодом ложечки на дёсны. Хмурится...

К вечеру следующего дня, когда кастрюля с

кипящим отваром заполняет кухню горячим смолевым духом сосны, я, почуяв недоброе, делаю попытку ушмыгнуть из дому. Но сестра проявляет бдительность. Отобрав шубейку и шапку, усаживает меня на табурет посреди кухни. Подносит к моему рту эмалированную кружку чёрно-зелёной, страшно вонючей жидкости, приказывает: «Пей!» Отхлёбываю глоток – и чуть не падаю с табурета. Я знал, что отвар этот – не мёд, но чтобы настолько... Натурально давлюсь тёплой тошнотной горечью.

Тоня, стоя надо мной, вбивает в мою взъерошенную макушку усвоенное на медицинских курсах:

– У тебя, дорогой братец-кролик, характерные симптомы цинги. А цинга, если хочешь знать, – это болезнь, вызываемая острой не-

хваткой витаминов. Ее особенности: сперва ты синеешь, становишься как старая промокашка. Пей, кому говорят! Иначе за шиворот вылью! Затем у тебя происходит выпадение зубов. И ты, дружок, не успеваешь и моргнуть, как в свои десять с половиной превращаешься в Бабу-Ягу.

«Нашла чем пугать! Ты про яблоко еще не знаешь», – тоскливо думаю я, косясь в бездонную эту кружку. И ещё думаю: «Выльет – не выльет? И если всё-таки выльет – много ли еще там этой гадости...»

...А яблоком этим, действительно, сказочным, маму угостил в госпитальной палате раненый капитан, к нему приезжала родственница из Алма-Аты.

